

МИФ АРИСТОФАНА И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ Оргазм и сфера чувств¹

Ж. ЛОРАН

Всякая влюбленность, каким бы эфирным созданием она ни представляла, коренится всецело в половом влечении.

*Шопенгауэр*²

Философия в силу то ли целомудрия, то ли чрезмерной стыдливости уделяет мало внимания оргазму³. Поскольку это переживание относится к сфере сугубо личного, оно не интересует политическую философию, а мораль упоминает о нем, как правило, только в связи с рассмотрением весьма общей области удовольствия и его получения.

Сводя оргазм к естественному удовольствию, такому же, как удовольствие от питья и еды, школа киников расхваливает наслаждение в одиночку⁴ и в этом смысле игнорирует сущность данного явления, которое, по нашему мнению, в действительности следует рассматривать только как встречу двух тел, которые наслаждаются друг другом⁵. Марк Аврелий, применяя метод анализа, столь дорогой стоицизму, советует представлять соитие как «трение известных органов и выбрасывание семени, соединенное с определенными спазмами»⁶. Мужчина должен освободиться от своеобразной власти эротического желания и стремиться овладеть собой, а не предаваться удовольствию. В то же время Аристотель в своем трактате «О происхождении животных» отмечает: «Причиной того, что при половом общении возникает сильное наслаждение (*hédonè sphodra*), заключается не в том, что от всего тела исходит семя, а от сильного зуда; поэтому, если это общение происходит часто, то для сближающихся удовольствие становится меньше. Далее, наслаждение (*hu khara*) появляется в конце; а оно должно бы проявляться [если принимать гипотезу, что семя исходит из всего тела] в каждой части не одновременно (*hama*), а в одних — раньше, в других — позже»⁷. Оргазм становится природным феноменом, полезным исключительно для продолжения рода.

Прямо противоположным образом Огюст Конт пытается разорвать связи между мужчиной, женщиной и инстинктом, подчеркивая безусловно необходимую комплементарность чувствительного пола (женщина) и сильного пола (мужчины), но при этом надеясь, что супружество заключается, скорее, в союзе сердец, а не тел: «Позитивизм предлагает... теорию супружества, которая не зависит от всякого физического аспекта»⁸. В книге «Система позитивной политики», появившейся в 1854 г., он пошел еще дальше, высказав идею о про-

должении рода без соития, чтобы тем самым можно было превзойти то, что Конт считал эгоизмом мужского наслаждения: «Следует прежде всего объяснить институт религии, который специально предназначен для выражения всей полноты нашего физического, интеллектуального и нравственного совершенствования, сосредоточившись на решительном прогрессе. Он заключается в том, чтобы упорядочить продолжение человеческого рода, придав ему исключительно женский характер»⁹. Религия человечества пытается подчинить субъективность альтруизму, а тело — душе. Плотскому удовольствию оргазма больше нет места.

Соловьев, известный философ, читавший лекции об основателе позитивизма и в конце жизни великий почитатель религии человечества Конта¹⁰, разделяет его осуждение плотского союза: «Плотское условие размножения для человека есть зло; в нем выражается перевес бессмысленного материального процесса над самообладанием духа, это дело, противное достоинству человека... мы должны стать на путь его ограничения и упразднения; а когда и как совершится это упразднение во всем человечестве, или хотя бы в нас самих, это вопрос, вовсе не принадлежащий к нравственной области. Вещное превращение нашей плотской жизни в духовную, *как событие*, не находится в нашей власти, будучи связано с общими условиями исторического и космического процесса... Как правило, утверждение плотского отношения полов для человека есть во всяком случае зло»¹¹. Соловьев, как и О. Конт, полагает, что человеческий прогресс должен оторвать нас от плотского союза, от «материальности» оргазма и привести к некоему чисто духовному ангельскому существованию.

Знаменитое исключение мы находим в мифе Аристофана, изложенном в «Пире». Платон представляет здесь плотское наслаждение как удивительный момент (*thaumaston*), когда человек (мужчина или женщина — не имеет значения) переживает нечто вроде расширения бытия: моя душа оживает уже не только мое тело, но также, некоторым образом, тело другого, мужчины или женщины, который(ая) является моей «половиной» и с которой я составляю единое целое:

Когда кому-либо, будь то любитель юношей или всякий другой, случается (*entukhè*) встретить как раз свою половину, обоих охватывает такое удивительное чувство привязанности, близости и любви, что они поистине не хотят разлучаться даже на короткое время... И если бы перед ними, когда они лежат вместе, предстал Гефест со своими орудиями и спросил их: «Не этого ли вы на самом деле хотите: как можно дольше быть вместе (*en tō autō genesthai hoti malista allèlois*) и не разлучаться друг с другом ни днем, ни ночью?»¹²

Примечательно, что требуется не менее, чем вмешательство бога, чтобы сформулировать то, что чувствуют любовники; удовольствие от любви, доведенное до своего апогея, лишает нас речи, так же как,

по утверждению Хайдеггера, *mutatis mutandis* это делает тоска от исчезновения окружающего мира, который ее конституирует. К сожалению, ничему, чему противостоит тоска, не соответствует та полнота, которая, как представляется, насыщает эротические феномены. Эта полнота ярко описана Лукрецием:

Так и Венера в любви только призраком дразнит влюбленных:
 Не в состоянии они, созерцая, насытиться телом,
 Выжать они ничего из нежного тела не могут,
 Тщетно руками скользя по нему в безнадежных исканиях.
 И, наконец, уже слившись с ним, посреди наслаждений
 Юности свежей, когда предвещает им тело восторги,
 И уж Венеры посев внедряется в женское лоно,
 Жадно сжимают тела и, сливая слюну со слюною,
 Дышат друг другу в лицо и кусают уста в поцелуе.
 Тщетны усилия их: ничего они выжать не могут,
 Как и пробиться вовнутрь и в тело всем телом проникнуть,
 Хоть и стремятся порой они этого, видно, добиться:
 Так вожаденно они застревают в тенётах Венеры, —
 Млеет их тело тогда, растворяясь в любовной усладе¹³.

Эти два описания, как представляется, предполагают, что сексуальное желание, в каком-то смысле, по своему происхождению обречено на неудачу, поскольку никто не может, несмотря на свое желание, «*abire corpus in corpore toto* (в тело всем телом проникнуть)»! Удовольствие от любви, читаем мы в «Филебе», наиболее «обманчивое (*alazonistaton*)»¹⁴. Это прилагательное соответствует существительному *alazonéia*, обман или хвастовство. Теофраст делает его одним из свойств характера и уточняет: «Нет, кажется, спору, что хвастовство — это приписывание себе несуществующих достоинств и богатств»¹⁵. Речь идет об особом типе обмана, когда пытаются предстать в лучшем виде или дают обещания, которые не могут сдержать. Члены этого семантического поля десятки раз появляются у Платона: они упоминаются, что вполне естественно, в диалоге, посвященном лжи (Гиппий Меньший. 369e4; 371a6 и d2), в «Государстве» (VIII, 560c7), «Федоне» (92d4) и «Лисиде» (218d2) по поводу ошибочных *logoi*, которые одновременно и обольстительны и обманчивы, и в «Федре» для определения дурного коня (255e3). *Alazonéia* эротического удовольствия имеет в своем распоряжении соблазнение, обещающее наслаждение, которое мы получим, несмотря на то, что — будучи быстро преходящим моментом¹⁶ — оно не может в действительности составить счастье в этой жизни. Соответствующим образом, *eros* представлен как «софист» в «Пире» (203d8).

Подобный обман составляет основную идею критики оргазма, которую арабский философ Ибн аль-Джаузи (XII в. н.э.) излагает в своем главном произведении «Охота за мыслью»:

Любовь — это восхитительное удовольствие, но соитие уменьшает любовь и разрушает удовольствие. Арабы были влюблены, но без желания вступать любовную связь: «Когда любовь становится плотской, говорил один из них, она портится». Что касается удовольствия, которого ищут в самом акте, — это дело животных. Я со своей стороны, пытался таким образом объяснить половой акт. Душа, когда она чувствует любовь к какому-то существу, стремится оказаться совсем близко от него: она прибегает к объятиям, которые являются лучшими средствами сближения. Но потом она желает оказаться еще ближе, тогда она целует щеку. Затем она пытается приблизиться к его дыханию, и целует рот, который является его вратами. Но она жаждет еще большего и сосет язык (Пророк обнял Айшу, поцеловал и начал сосать ее язык). И когда, наконец, душа ищет еще более тесного сближения, она находит его в совокуплении¹⁷.

Однако от этого конечного этапа следует, как правило, уклоняться, поскольку он напрасно утомляет мужчину и за ним следует разочарование: «Молодому человеку надлежит остерегаться половых связей, ибо своим воздержанием он может заложить основу силы, которая ему позже понадобится. Что касается зрелого мужчины или такого, чей рост завершен, он должен остерегаться половых излишеств: если он выбрасывает столько же, сколько впитывает, он напрасно растратит свою энергию»¹⁸.

Сексуальное и физическое значение эротики — это основная нить анализа «метафизики любви», предложенного Шопенгауэром. Метафизическая точка зрения вовсе не означает рассмотрения любви в ее взаимоотношении с трансцендентным и божественным, а лишь соответствует концепции, согласно которой любовь «имеет лишь чисто метафизическую, т.е. лежащую вне ряда действительно существующих вещей, цель»¹⁹, т.е. не психология отдельных личностей, но человеческий род как таковой, абстрактное понятие ребенка, которому еще только предстоит родиться и который еще не существует. Как и у Платона, у Шопенгауэра эрос в некотором смысле обращен к не-бытию, он нацелен на формирование нового человека и таким образом на естественное воспроизводство в его наиболее универсальном виде. «Все это, конечно, не осознается; более того, всякий воображает, будто осуществляет сей трудный выбор в интересах своего лишь собственного вождения (которое, по сути дела, вовсе не может быть в этом замешано), — но он делает выбор именно так, как это, при учете его собственного телосложения, отвечает интересу рода, сохранение типа коего возможно более чистым и есть скрытая задача всего выбора»²⁰. В общем и целом, оргазм и удовольствие, которое он нам доставляет, представляют собой уловку природы: «Это задание объективирующейся в роде воли предстает в сознании любящего под маской антиципации безмерного блаженства, которое он будто бы найдет в слиянии с данным индивидом женского пола. На высших

же стадиях влюбленности эта химера становится столь ослепительно яркой, что, если она оказывается недостижимой, сама жизнь теряет всякую привлекательность»²¹. Химерический горизонт желания, таким, образом, становится горизонтом нескончаемого удовольствия, противоречащего условию конечности человеческого существования. Но даже в исламском раю, где, согласно Суюти, наслаждение длится 24 года²², оно имеет пределы и, стало быть, в какой-то момент остается в прошлом.

Эта напряженность между желанием, чтобы удовольствие никогда не прекращалось, и осознанием *post factum*, что это желание было тщетным, объясняет, с точки зрения Жан-Люка Мариона фундаментальную обманчивость оргазма: «Эротический диалог, который предполагалось никогда не заканчивать, неизбежно должен закончиться (что означает не преуспеть, а потерпеть неудачу). Это противоречие можно назвать оргазмом. Внезапно, движение моего желания больше не может продолжаться, оно идет по инерции: оно затухает, оно слабеет, оно уходит»²³. Описанное в терминах провала, или срыва, желание не сдержало своих обещаний счастья; провалиться — или оказаться на мели — означает прекращение желания на длительный срок, а срыв, следующий за оргазмом, не сулит ничего в будущем, поскольку после того, как произошло сношение, обнаружилось, что оно не должно было произойти²⁴. Но даже в случае успеха, перед тем, как заснуть или разомкнуть тела, в оргазме не оказывается ничего, чем можно особенно гордиться: «Оргазм, единственное чудо, которое человечество даже в самом бедственном положении может наверняка испытать — ибо он не требует ни таланта, ни научения, а только остатков естественности — однако не оставляет ничего, что можно увидеть или сказать, и все уносит с собой, даже память о себе, вследствие чего он не достигает уровня насыщенного феномена и остается лишь *стертым феноменом*»²⁵. Если Марион приходит к определению оргазма как «стертого феномена», т.е. несостоятельного и обманчивого, даже тогда, когда он дает наряду с этим точное и ясное описание временности вне длительности и пространственности вне мира этого феномена, это происходит потому что идея *Эротического феномена* заключается в попытке подчинить желание и телесный опыт теологии любви.

С этой точки зрения, несомненно, оргазм — не что иное как «убогое чудо», если использовать оксюморон Анри Мишо. Однако справедливо ли описывать наслаждение в терминах успеха или неудачи, сравнивать с плаванием и посадкой на мель? В некотором смысле, вне пределов становления эротического удовольствия, получаемое в обезличенном пространстве, где власть *ego* и его репрезентация мгновенно прекращаются, не обещает ничего иного, кроме самого себя. Сладострастная женщина Бодлера может сказать: «Мой нежен поцелуй, отдай мне справедливость!/В постели потерять умею я

стыдливость» («Метаморфозы вампира»). Соединение тел и дыханий в наслаждении – это *sui generis* переживание, которое актуализирует фундаментальные возможности нашего воплощенного бытия и не обязательно сопровождается нравственными чувствами. После оргазма мужчина может ощущать как утомление, так и эйфорию, отвращение или безмятежное спокойствие: эти чувства коренятся в эмпирической психологии *ego*, а не в наслаждении как таковом.

То, что Платон, а вслед за ним Лукреций описывают в терминах телесности, западная традиция очень часто подхватывает, помещая в рамки нравственных чувств, которые относятся к бытию в целом, а не только к моменту оргазма. В «Политике», Аристотель полностью игнорирует плотскую составляющую дискурса Аристофана и относит его к категории не эротики, а политики:

Мы же полагаем, что дружелюбные отношения – величайшее благо для государств (ведь при наличии этих отношений менее всего возможны раздоры), да и Сократ всего более восхваляет единение государства, а это единение, как он сам, по-видимому, утверждает, является результатом дружелюбных отношений (об этом, как известно, говорит в своей речи о любви Аристофан, а именно что любящие вследствие своей сильной любви «стремятся к срастанию», стремятся из двух существ стать одним). Таким образом, тут оба существа или одно из них неизбежно приносят себя в жертву²⁶.

И Руссо пишет об этом в романе-трактате «Эмиль»:

Когда вы перестанете быть возлюбленной Эмиля, вы будете его женою и подругою, вы будете матерью его детей; тогда вместо вашей прежней сдержанности установите между собою самые интимные отношения; не нужно уже отдельных постелей, не нужно отказов, капризов. Настолько сделайте его половиной, чтобы он не мог уже обойтись без вас и чтобы он, лишь только расстанется с вами чувствовал себя потерявшим связь с самим собою²⁷.

Что касается Огюста Конта, помышляющего о чистой любви, которая выше смерти, то он восхваляет странную «общность могил»²⁸ для супругов, которые таким образом стали бы одним телом, но в полностью символическом виде как в могиле, так и с точки зрения вечности. Гвозди, которые заколачивает работник похоронного бюро, заменяют цепи Гефеста.

Возвращаясь к поднятой Платоном теме *mania erotikè*, Ахиллес Татиус (II в. н.э.) в своем прекрасном рассказе о любви Левсипеи и Клитофона предлагает яркую гипотипозу женского оргазма:

Заключенное в объятие тело женщины податливо, губы ее нежны при поцелуе. Поэтому, когда обнимаешь женщину, тело твое как будто полностью окутывается ее плотью, и любовник словно погружается в наслаждение. Це-

люя, она накладывает свои уста на уста возлюбленного как печать, искусны ее поцелуи, она умеет сделать их сладкими. Женщина хочет целовать не только губами, зубы ее тоже участвуют в поцелуе, и она упивается устами любовника, покусывая их. Особая радость таится в прикосновении ее груди. На вершине наслаждения Афродиты она в иступлении обнимает возлюбленного и целует его, близкая к безумию (*mainetai*)... Когда же предел наслаждения достигнут, женщина тяжело дышит, погруженная в зной страсти. Дыхание ее, слившись с любовным дуновением, на устах встречается с блуждающим на них поцелуем, который ищет дорогу. Поцелуй следует за дыханием и пронзает сердце, — пораженное поцелуем, оно трепещет²⁹.

Достоинства этого текста в том, что он подчеркивает следующее: наслаждение не ограничено локальным удовольствием, получаемым только в области и через посредство гениталий (как мы получаем удовольствие от хорошей еды при помощи нёба и языка), но касается всей совокупности заключенного в объятия тела. Тем самым, автор настаивает на важности поцелуя в акте любви. Совершенное наслаждение предполагает соединение языков, дыханий и слюны. Соединение ртов одновременно с половыми органами — это характеристика, присущая человеческому совокуплению, и не знакомая другим животным³⁰.

Дыхание, которое составляет оральный характер речи, в этом случае полностью поглощено своей жизненно важной респираторной функцией, и если в момент оргазма голос еще можно слышать, это происходит в форме крика, а не дискурса. Вот почему, согласно Аристотелю, удовольствие может препятствовать мышлению у животного, «обладающего *логосом*»; во время любви и по мере восхождения желания к удовольствию, сознание как бы замирает в чистом бездействии: «Удовольствия — это препятствия для рассудительности, причем препятствия тем большие, чем больше сами удовольствия; как, например, удовольствие от любовных утех, ведь, предаваясь им, никто, пожалуй, не способен что-нибудь понять умом (*noètai ti*)»³¹.

Если совершенно ясно, что ни мужчина, ни женщина не теряют сознание во время любви, их сознание искажается, и двойственность репрезентации исчезает в момент оргазма. По словам Монтеня, «сон гасит и подавляет способности нашей души; половое сближение также рассеивает и поглощает их»³². Мы не погрешим против истины, если сравним его с опьянением, как это сделал Бальзак: «А между тем ни одно свидание не обостряло так его чувств, не пробуждало таких дерзких желаний, не исторгало из его сердца такой любви, которая словно насыщала собой самый воздух вокруг него. Это было какое-то мрачное, таинственное, сладостное, нежное, скованное и вместе с тем восторженное чувство, какое-то странное сочетание безобразного и небесно-прекрасного, рая и ада — и все это пьянило де Марсе. Он перестал быть самим собой»³³.

Однако сила эротической привлекательности такова, что она не всегда чужда даже занятиям философией, как ясно показал Платон, по существу связывая *логос* и *эрос* в «Пире». Переживание оргазма, давая нам выход за пределы субъективности, соответствует переживанию мышления, которое стремится высказать невыразимое и продемонстрировать *energeia* бытия в ее полноте³⁴. Как утверждает Мальдине, «у Платона любовь — это экзистенциал»³⁵. Речь идет не о простом ощущении, и не об аффективных чувствах, а о нашем повседневном бытии-в-мире. Молодой или старый, мужчина или женщина, красивый или уродливый, другой всегда отдает себя мне через призму желания или не-желания, стремления к наслаждению или к его противоположности. Несомненно, чаще всего эта экзистенциальная детерминированность периферийна, и даже неожиданна, но все-таки она есть там, на горизонте всякой встречи.

На связь между Венерой-Пандемос и работой философа ссылается Хайдеггер, когда пытается объяснить жене свои внебрачные похождения в письме от 19 февраля 1950 г.: «Взмах крыльев этого бога [Эроса] меня слегка касается всякий раз, когда я делаю важный шаг в своем размышлении и отваживаюсь пойти по пути, по которому мало кто ходит. Возможно, меня он задевает сильнее и более тревожащим образом, чем других, в тот момент, когда следует вынести в область высказываемого то, что долго предчувствовалось, и когда даже то, что уже было сказано, надлежит надолго оставить в одиночестве»³⁶.

Тревожность *эроса* изображается, согласно Шопенгауэру, посредством традиционных атрибутов бога в иконографии: «Смертоносный лук, слепота и крылатость — таковы его атрибуты. Последнее указывает на непостоянство, а оно, как правило, проявляется лишь вместе с тем разочарованием, что следует по пятам за удовлетворением желаний»³⁷.

Здесь имеет место сущностная двойственность эротики: очарованный любовник неустанно смотрит на объект своего желания, а между тем, говорит он, любовь его ослепляет, он смотрит и не видит, он говорит, не понимая тщетности обещаний любви и разговоров о любовном сближении, ибо слова соблазнения исчезают в молчании поцелуя. Левинас объясняет эту двойственность с большой точностью:

Любовь, будучи наслаждением тем, что трансцендирует, почти противоречивым, не говорит о себе правду ни на языке эротики, где она понимается как чувство, ни на языке духовности, возвышающем ее до жажды трансцендентного. Возможность Другого представлять в качестве объекта потребности, сохраняя при этом полностью свою инаковость, или возможность иметь в своем распоряжении Другого, располагаться одновременно и по эту, и по ту сторону дискурса — такая позиция по отношению к собеседнику, которая достигает и превосходит его, эта одновременность потребности и желания,

вождедения и трансцендентности, соприкосновение благовидного и постыдного, составляет самобытность эротики, в этом отношении преимущественно *двусмысленной*³⁸.

Это, несомненно, одно из самых точных описаний эротического наслаждения. Трансцендентность другого, которая для Левинаса в сущности является единственной трансцендентностью, о которой человек имеет опыт, в любовном объятии *как бы* превосходится, и наша связь с другим не возникает тогда ни только из чувства (такова иллюзия порнографии), ни только из духовности (такова иллюзия «мистики тела»). При «занятии любовью», человек не делает ничего иного, кроме как ощущает нечто вроде потребления тела другого человека, при этом чувствуя, что эта предельная близость также есть дистанция. Не случайно, что единственный философский текст, который Левинас эксплицитно вспоминает в этом параграфе «Тотальности и бесконечного» — это миф Аристофана³⁹. Имплицитно этот текст, вместе с понятием двусмысленности, выделенным курсивом, отсылает нас к § 37 «Бытия и времени».

Эта мысль может показаться знакомой, поскольку в работе «Бытие и время» Хайдеггер описывает фундаментальное понятие «*Dasein*» в его связи с любопытством (§ 35) и молвой (§ 36), когда «всякий всегда уже заранее угадал и почувствовал то, что другие тоже угадали и предчувствовали»⁴⁰. Однако Хайдеггер уточняет: «Двусмысленность касается не только онтического модуса, посредством которого мы распоряжаемся наличным бытием, доступным для пользования и наслаждения (*Genuss*), но она уже утвердилась в понимании как способности быть, в способе набрасывания и задания возможностей *Dasein*». Если двусмысленность (*die Zweideutigkeit*) достигает своей высшей точки в языке, который говорит обо всем и ни о чем, полагает, что понимает, не понимая ничего, и может противоречить всему, что было сказано, также она разворачивается сообразно «онтическому модусу» в пользовании и наслаждении. *Genuss* означает одновременно удовольствие, наслаждение и смакование, то, что приятно и то, что вскоре уже не будет приятно, то, что по своей природе нестабильно и, по выражению Шопенгауэра, «непостоянно». Как отмечает Жан Грейш, «толкование двусмысленности, которое дает Хайдеггер, как представляется, оправдывает сопоставление с понятием привязанности, тогда двусмысленность в некотором смысле является ее манифестацией в повседневности»⁴¹. Если всякая привязанность, по существу, непостоянна и нестабильна в повседневности, двусмысленна и пребывает в ожидании собственного опровержения, это в высшей степени относится и к такому максимальному наслаждению, каким является наслаждение сексуальное. «Провал» *Dasein*, тем не менее, «*предшествует*» всему, что изложено о распаде или целостно-

сти» (§ 38), а двусмысленность — непреодолимая характерная черта нашего бытия-в-мире. Следовательно, бесполезно вести аксиологический дискурс об оргазме⁴², и этот опыт находится, конечно же, по ту сторону добра и зла, по ту или по эту сторону, в сфере чисто патематического, где производит над собой опыты наше воплощенное бытие. В оргазме, как и в боли, но диаметрально противоположным образом, именно тело как таковое пробуждается и подвергается испытанию вне пределов самообладания и контроля субъективности. Комментируя соединение и сладострастное наслаждение, которые познали две половинки, вновь обретшие себя в мифе Платона, Лео Штраус отмечает: «Мы можем... сказать, что *эрос*, как его понимает Аристофан, это, говоря современным языком, утрата своего Я»⁴³. И в своих «Эротических медитациях» Марк Аллен Уакнен подчеркивает: «Эрос — это смещение сознания в свете своей истинной функции, конституируемой как само-присутствие в себе»⁴⁴. Как следствие, в гиперболической полноте оргазма трансценденция эго больше не получает надлежащего места⁴⁵. Там, где *логос* предстает сообразно структуре инаковости, разделения и трансцендентности смыслов, *эрос* составляет часть нашей целостной и спонтанной жизни. Любовь, утверждает Анри Мальдине в своих рассуждениях о «Пире», «являет собой среди всякого рода (*géné*) бытия такое же *нелогичное* исключение, что и Дионис среди представителей божественного рода (*géné*)»⁴⁶. Как антитеза *логосу* и как то, что его порождает, *эрос* — это сила, близкая к вакхическому трансу. Испытав наслаждение, леди Чаттерлей охвачена следующей мыслью: «Да, можно быть страстной, как вакханка и стремглав нестись по лесу навстречу блистательному божеству — олицетворению фаллоса без какого-либо намека на чувства... И незачем допускать какие-то высокие мотивы»⁴⁷.

Будучи уникальным в своем роде ощущением, чувственное наслаждение лежит у границы сферы чувств в той же мере, в какой тонкая грань пролегает между Я и не-Я, телом и душой, насилием и нежностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Первая версия этой статьи появилась в 2010 г. в сборнике «Phénoménologie des sentiments corporels, Joie, jouissance, ivresses». — Le Cercle Herméneutique, 2010. P. 49 – 60.

² Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. — URL: <http://www.litmir.net/br/?b=172252&p=1>

³ Недавно Жан-Люк Нанси беседовал о наслаждении с Адель ван Реет на радиостанции «France-Culture», их беседы изданы в: *La jouissance*. — Paris: Plon, 2014.

⁴ В сборнике Леонса Паке (*Raquet L. Les Cyniques grecs*. — Paris: Le livre de poche, 1992) см. фрагменты 43 и 234 о Диогене. В первом говорится: «Однажды на рынке он занялся мастурбацией со словами: “Ах ! Вот если бы голод можно было унять, лишь потирая живот!”» (*Diogène Laërce*. VI. 46), во втором: «Нравится ведь этим мерзким существам [киникам] вести собачий образ жизни; упо-

треблять все бесстыдные слова без ограничений, мастурбировать публично» (Papyrus d'Hercurulanum. 339).

⁵ Мы следуем феноменологическому правилу, четко изложенному Гадамером в его комментарии к «Филебу»: «По общему правилу, если хочешь проникнуть в природу вещи, то ее наиболее общее проявление не представляет никакого интереса; лучше ее изучать, пока она сохраняет гиперболические формы и являет наиболее резкие контуры, чтобы затем выделить ее свойства» (*Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона.* – СПб., 2000. С. 268. Что касается оргазма, то его истинная природа проявляется наиболее отчетливо, когда он достигается любовниками одновременно, хотя это не самый частый случай, но безусловно самый не вызывающий сомнения. Это одна из основных тем «Любовника леди Чаттерлей» Д.Г. Лоуренса.

⁶ *Марк Аврелий Антоний.* Наедине с собой: Размышления / под общ. ред. А.В. Добровольского. – Киев; Черкассы: Collegium Artium Ing. Ltd; Реал, 1993. (Б-ка интеллектуала).

⁷ *Аристотель.* О возникновении животных. I. 18. 723b33-724a3.

⁸ *Comte A.* Discours sur l'ensemble du positivisme. – Paris: GF-Flammarion, 1998. P. 269.

⁹ *Comte A.* Système de politique positive. T. 4. – Paris: Carillan-Grery, 1854. P. 273. Текст цитирует и комментирует Жан-Франсуа Марке (см.: *Marquet J.-F.* Religion et vie subjective chez Comte // *Revue philosophique.* 1985. P. 501–517). В этой связи Марке упоминает «что-то вроде воображаемой беременности, имеющей коэффициент полезного действия» (P. 516).

¹⁰ См.: *Соловьев В.С.* Идея человечества у Августа Конта // *Соловьев В.С.* Соч. В 2 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1988.

¹¹ *Соловьев В.С.* Оправдание добра // Библиотека Вехи. – URL: www.vehi.net/soloviev/oprav/02.html

¹² *Платон.* Пир. 192c-d. То, что судьба действительно вмешивается в успех эротического сближения подчеркнули российские писатели Аркадий и Георгий Вайнеры: «Десятки баб пролетают через твою койку, как через трамвай. Ваша остановка следующая, вам сходить... А потом вдруг ныряет в твою кочку твоя подобранная на небесах, и ты этого еще сам не знаешь, но вдруг, пока еще раздеваешь ее, охватывает тебя – от одного только поглаживания, от прикосновения, от первых быстрых поцелуев, от тепла между ее ногами – невероятное возбуждение: трясется сердце, теряешь дыхание, и дрожь бьет, будто тебе снова шестнадцать лет, и невероятная гибкая тяжесть заливают твои чресла... И еще не кончил, не свела тебя, не скрутила счастливая палящая судорога, тебе еще только предстоит зареветь от мучительного черного блаженства, когда, засадив в последний раз, ощущаешь, как хлынул ты в нее струей своей жизни, а уже хочешь снова опять, опять, опять! А потом, как бы ты ее ни возненавидел, сколь бы ни была она тебе противна и скучна – все равно будешь хотеть спать с ней снова. Ах, Марина, Марина!» (*Вайнер А., Вайнер Г.* Евангелие от палача. – URL: loveread.ws/read_book.php?id=2101&r=12). В мифе Аристофана, если судьба направляет встречу, успех отношений определяется естественной потребностью («сделали друг для друга»). Случайность встречи нивелируется силой желания. Об этой «иллюзии эроса» см.: *Strauss L.* Sur le Banquet de Platon. – Paris: L'Éclat, 2006. P. 173.

¹³ *Лукреций.* О природе вещей / пер. Ф. Петровского. – URL: www.nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm

¹⁴ *Платон.* Филеб. 65c5.

¹⁵ *Теофраст.* Характеры / пер. В. Смиринна. – URL: www.lib.ru/POEEAST/TEOFRASST/teofrast3

¹⁶ В работе Робера Мюшембле «Оргазм и Запад. История Наслаждения с XVI в. до наших дней» сообщается, что в США в 50-е гг., 45% «любовных игр» продолжались менее 20 минут (см.: *Muchembled R.* L'orgasme et l'Occident. Une histoire du plaisir du XVIe à nos jours. – Paris: Seuil, 2005. P. 307). Подзаголовок книги более

точен, чем заголовок, поскольку это вопрос скорее сексуальности в целом, чем оргазма в частности.

¹⁷ *Ibn al-Jawzī*. La pensée vigile. – Paris: Sindbad, 1986. P. 267 – 268.

¹⁸ *Ibid.* P. 215. Об опасности ослабления жизненных сил в результате соития см. также p. 152, 184, 235 и 273. Как представляется, не стоит подвергать себя такой опасности, увидев, куда приводит сексуальное наслаждение: «Так каково же удовольствие от соития? Поскольку перед контактом двух тел его не испытывают так, как во время соития, оно представляет собой лихорадочное возбуждение, и когда наслаждение заканчивается, то кажется, что его никогда не испытывали?» (p. 227).

¹⁹ *Шопенгауэр А.* Метафизика половой любви. С. 6.

²⁰ *Ibid.* С. 6.

²¹ *Ibid.* С. 7.

²² «[В раю] становится лучше день ото дня. Appetit усиливается стократно. Едят и пьют, сколько душе угодно. Способность мужчины к деторождению также усиливается во много раз. Любовью занимаются, как на земле, но каждое наслаждение длится и длится и продолжается двадцать четыре года» (цит. по: *Guillebaud J.-C.* La tyrannie du plaisir. – Paris: Seuil. Collection «Points», 1998. P. 304).

²³ *Marion J.-L.* Le phénomène érotique. – Paris: Grasset, 2003. P. 208.

²⁴ Бальзак дает точное описание этого «срыва» желания: «Бывает, что мужчина, упившись наслаждением, проявляет какую-то небрежность, неблагодарность, стремится побыть на свободе, рассеяться, испытывает как бы некоторое презрение и даже, может быть, отвращение к своему кумиру – словом, подчиняется необъяснимым чувствам, которые делают его подлым и низким» (*Бальзак О.* Златоокая девушка. – URL: http://modernlib.ru/books/de_balzak_onore...devushka).

²⁵ *Marion J.-L.* Le phénomène érotique. P. 216.

²⁶ *Аристотель.* Политика. II. 4. 1262b.

²⁷ *Руссо Ж.-Ж.* Эмиль, или О воспитании. Книга V. О путешествиях // *Руссо Ж.-Ж.* Педагогические сочинения. В 2 т. / под ред. Г.Н. Джибладзе; сост. А.Н. Джурицкий. – М.: Педагогика, 1981. – URL: www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil.html

²⁸ *Comte A.* Discours sur l'ensemble du positivisme. P. 269.

²⁹ *Achille Tatius.* Le Roman de Leucippé et Clitophon. Livre II. 37. – Paris: Les Belles Lettres, 1991. P. 70 – 71.

³⁰ См. об этом анализ Фабриса Аджаджа (*Hadjadj F.* La profondeur des sexes. Pour une mystique de la chair. – Paris: Seuil, 2008. P. 91 – 95).

³¹ *Аристотель.* Никомахова этика / пер. Н. Брагинской. Кн. VII. Гл. 12. 1152b16-18. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1997.

³² *Montaigne M.* Essais. III. 5. – Paris: PUF. «Quadrige», 2004. P. 878.

³³ *Бальзак О.* Златоокая девушка. – URL: http://modernlib.ru/books/de_balzak_onore...devushka

³⁴ Жан-Люк Нанси сравнивает это напряжение, которое всегда возникает вновь, это желание пережить некую форму полноты и эстетического наслаждения, как у зрителя, так и у созидającego художника: «Общее между творческим актом и половым актом – это переживание субъекта: наслаждение начинается где-то за мной и проходит через меня. Вот почему всегда находится столько же причин отказать человеку в авторстве его произведения, сколько признать его за ним; потому что некоторым образом то, что он создает, *проходит через* него. Великий художник способен к переживанию по своему желанию... Общее между сексуальным наслаждением и эстетическим наслаждением – это особенное вложение сил, и нечто, что в силу этой особенности, его превосходит и увлекает дальше» (*Nancy J.-L.* La jouissance. P. 75, 76).

³⁵ *Maldiney H.* Aîtres de la langue et demeures de la pensée. – Lausanne: L'Âge d'homme, 1975. P. 237.

- ³⁶ Heidegger M. *Lettres à sa femme Elfride*. – Paris: Seuil, 2007. P. 345.
- ³⁷ Шопенгауэр А. Метафизика половой любви. С. 7.
- ³⁸ Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. – М.; СПб., 2000. С. 249.
- ³⁹ «Приведенный в “Пире” Платона миф Аристофана о том, что любовь соединяет две половины ранее единого существа, толкует это рискованное событие как возвращение к своей первоначальной природе. Наслаждение как бы подтверждает такое толкование. Оно выводит на свет двойственность события, происходящего на грани между имманентным и трансцендентным» (Левинас Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. С. 248).
- ⁴⁰ Хайдеггер М. Бытие и время. § 37. Двусмысленность. Примечательно, что свою сатиру о двусмысленности (сатира XII) Буало начинает со сравнения полов: «На французском языке, Диковинный гермафродит, / Какого рода ты будешь, Проклятая двусмысленность? / или проклятый» (Boileau N. *Satires*. – Paris: Belles Lettres, 1966. P. 120).
- ⁴¹ Greisch J. *Ontologie et temporalité*. – Paris: PUF; Epiméthée, 1994. P. 224.
- ⁴² В своей работе «Функция оргазма» (1947), Вильгельм Райх пишет следующее: «Психическое здоровье зависит от силы оргазма, т.е. от способности отдаваться в момент кульминации сексуального возбуждения во время естественного полового акта» (Reich W. *La Fonction de l'orgasme*. – Paris: L'Arche, 1952. P. 14). Критикуя традиционные формы морали, Райх высказывает весьма нормативную, «натуралистическую» точку зрения и представляет оргазм (гетеросексуальный) как ключ к небосводу человеческого счастья.
- ⁴³ Strauss L. *Sur le Banquet de Platon*. P. 164.
- ⁴⁴ Ouaquin M.-A. *Méditations érotiques. Essai sur Emmanuel Levinas*. – Paris: Payot, 1992. P. 30.
- ⁴⁵ Нанси отмечает: «Наслаждение... подразумевает выход из репрезентации, а значит из того “я”, которое не может, таким образом, больше сопровождать переживание наслаждения. Я полагаю, что именно об этом идет речь, об этой утрате субъекта, способного сказать “я”» (Nancy J.-L. *La jouissance*. С. 26).
- ⁴⁶ Maldiney H. *Aîtres de la langue et demeures de la pensée*. – Lausanne: L'âge d'homme, 1975. P. 277.
- ⁴⁷ Лоуренс Д.Г. *Любовник леди Чаттерлей* / пер. И. Багрова, М. Литвинова. – М.: Книжная палата, 1991. – URL: <http://lib.ru/Переводы/CHATER/chatterl.txt>

REFERENCES

- Achille Tatiou. *Le Roman de Leucippé et Clitophon. Livre II. 37*. – Paris: Les Belles Lettres, 1991.
- Aristotle. *Nicomachean Ethics*. VII. 12. 1152b16-18.
- Aristotle. *O Vozniknovenii Zhivotnich*. I. 18. 723b33-724a3.
- Aristotle. *Politics*. II. 4. 1262b.
- Balzac H. *Zlatookaya devushka*. – URL: http://modernlib.ru/books/de_balzac_onore...devushka
- Boileau N. *Satires*. – Paris: Belles Lettres, 1966.
- Comte A. *Discours sur l'ensemble du positivisme*. – Paris: GF-Flammarion, 1998.
- Comte A. *Système de politique positive*. T. 4. – Paris: Carillan-Gœry, 1854.
- Gadamer H.-G. *Dialekticheskaya etika Platona*. – Sankt-Peterburg, 2000.
- Greisch J. *Ontologie et temporalité*. – Paris: PUF; Epiméthée, 1994.
- Guillebaud J.-C. *La tyrannie du plaisir*. – Paris: Seuil. Collection «Points», 1998.
- Hadjadj F. *La profondeur des sexes. Pour une mystique de la chair*. – Paris: Seuil, 2008.
- Heidegger M. *Lettres à sa femme Elfride*. – Paris: Seuil, 2007.
- Heidegger M. *Sein und Zeit*. § 37.
- Ibn al-Jawzi. *La pensée vigile*. – Paris: Sindbad, 1986.
- Lawrence D.H. *Liubovnik ledi Chatterley*. – URL: <http://lib.ru/Переводы/CHATER/chatterl.txt>

- Levinas E.* Izbrannoe: Totalnost i beskonechnoe. – Moskva; Sankt-Peterburg, 2000.
- Maldiney H.* Aîtres de la langue et demeures de la pensée. – Lausanne: L'Âge d'homme, 1975.
- Marcus Aurelius Antoninus.* Naedine s soboy: Razmishleniya. – Kiev; Cherkassi, 1993.
- Marion J.-L.* Le phénomène érotique. – Paris: Grasset, 2003.
- Marquet J.-F.* Religion et vie subjective chez Comte. Revue philosophique. 1985. P. 501 – 517.
- Montaigne M.* Essais. III. 5. – Paris: PUF. «Quadrige», 2004.
- Muchembled R.* L'orgasme et l'Occident. Une histoire du plaisir du XVI-e à nos jours. – Paris: Seuil, 2005.
- Nancy J.-L.* La jouissance. – Paris: Plon, 2014.
- Ouaknin M.-A.* Méditations érotiques. Essai sur Emmanuel Levinas. – Paris: Payot, 1992.
- Paquet L.* Les Cyniques grecs. – Paris: Le livre de poche, 1992.
- Platon.* Phileb. 65c5.
- Platon.* Pir. 192c-d.
- Reich W.* La Fonction de l'orgasme. – Paris: L'Arche, 1952.
- Rousseau J.-J.* Emil, ili O vospitanii. – URL: www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil.html
- Schopenhauer A.* Metafisika polovoi liubvi. – URL: <http://www.litmir.net/br/?b=172252&p=1>
- Soloviev V.S.* Ideya chelovechestva u Augusta Konta. Soloviev V.S. Sochineniya. V dvukh tomakh. T. 2. – Moskva: Misl, 1988.
- Soloviev V.S.* Opravdaniye dobra. Biblioteka Vekhi. – URL: www.vehi.net/soloviev/oprav/02.html
- Strauss L.* Sur le Banquet de Platon. – Paris: L'Éclat, 2006.
- Theophrastus.* Kharaktery. – URL: www.lib.ru/POEEAST/TEOFRAST/teofrast3
- Titus Lucretius Carus.* De rerum natura. – URL: www.nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm
- Vainer A., Vainer G.* Evangeliye ot palacha. – URL: loveread.ws/read_book.php?id=2101&p=12

Аннотация

Как осмысляется оргазм в философии? Этот своеобразный опыт ставит вопрос о самоидентификации и об отношении собственного тела к другому. Какое значение получает сексуальное наслаждение?

Ключевые слова: оргазм, самоидентификация, тело человека, Левинас, Марион, Нанси, Платон, Шопенгауэр.

Summary

How does philosophy conceive of orgasm? An orgasm is a very special experience that involves and questions personal identity as well as one's interaction with someone else's body. What is the significance of sexual climax?

Keywords: orgasm, sexuality, personal identity, human body, Levinas, Marion, Nancy, Platon, Schopenhauer.

Перевод с французского Е.Г. Рудневой